

III.

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Г. Поссартъ въ роляхъ Натана Мудраго и Франца Моора. — Бенефисъ г. Фихтмана.

Въ субботу, 2, и въ воскресенье, 3 апрѣля, въ Маріинскомъ театрѣ состоялись два исключительно интересныя представленія въ классическомъ родѣ, привлечшія очень много публики, несмотря на высокія цѣны мѣстамъ. Въ спектакляхъ этихъ принять участіе отличный мюнхенскій актеръ и директоръ тамошняго театра, Эрнестъ Поссартъ, оставившій по себѣ въ нашей публикѣ прекрасную память еще съ 1872 года, когда онъ гостилъ у насъ въ великомъ посту. Послѣ громаднаго успѣха въ Москвѣ, куда его пригласили раньше, онъ не могъ, къ сожалѣнію, остаться долѣе въ Петербургѣ, потому что долженъ былъ сѣсть обратно въ Мюнхенъ, по случаю готовящейся тамъ постановки нѣсколькихъ пьесъ специально для одного короля, который, какъ извѣстно, не любитъ бывать на публичныхъ представленіяхъ и, какъ утонченный знатокъ и любитель искусства, не хочетъ развлекаться ничѣмъ при созерцаніи излюбленныхъ имъ произведеній, обставленныхъ для него на сценѣ со всевозможною роскошью и вѣрностью данной эпохѣ (на этотъ разъ такъ называемыя *seragat-vorstellungen* предполагается начать съ «Рюи-Блаза» Виктора Гюго). Поссартъ, какъ намъ это уже давно было извѣстно, замѣчательнѣе не столько какъ актеръ, сколько въ качествѣ неподржаемаго, въ своемъ родѣ, чтеца или, если угодно, «ритора». Болѣе выработаннымъ искусствомъ голоса, который и самъ по себѣ чрезвычайно благозвученъ, болѣе выровненной дикціи, чѣмъ у этого артиста, нельзя себѣ и представить. Музыкальностью рѣчи во всѣхъ регистрахъ голоса онъ напоминаетъ превосходнаго, сладкозвучнаго итальянскаго пѣвца. Рѣчь эта, въ такихъ пьесахъ, какъ «Натанъ Мудрый», гдѣ чтеніе по необходимости преобладаетъ надъ игрою, дѣйствуетъ въ высшей степени обаятельно и застываетъ собою коренной недостатокъ актера — нѣкоторую «театральность» пріемовъ и кокетничанье голосовыми средствами, иногда въ ущербъ жизненной правдѣ. Отдѣлка дикціи г. Поссартомъ доведена до высшей степени технического совершенства и потому монолитъ, въ родѣ разсказа Натана о трехъ чертникахъ, передаются имъ безподобно. Сверхъ того, онъ большой мастеръ гримироваться и держать себя на сценѣ въ высшей степени благородно и изящно. Неудрено поэтому, что, при такихъ выдающихся качествахъ, онъ занимаетъ въ германскомъ артистическомъ мірѣ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ и считается весьма высоко, какъ преподаватель драматическаго искусства. Игра его, несмотря на нѣкоторую, быть можетъ, и чрезмѣрную привязанность къ требованіямъ нѣмецкой школы декламации, всегда способна доставить слушателю эстетическое наслажденіе, по художественности ея отдѣлки. Поссартъ, дѣйствительно, актеръ не вдохновенія, а труда, въ родѣ Коклена

и Гаазе, которыхъ онъ превосходить, однако, болѣею серьезностью самаго характера исполняемыхъ имъ ролей, потому что главный конекъ его — классическая драма, и онъ только изрѣдка играетъ характерныя роли въ высокой комедіи, какъ, напримеръ, роль адвоката Берендта въ комедіи шведскаго писателя Бьерисона «Ein Faillissement» или раввина въ комедіи Эрманна-Шатриана «Freund Fritz».

«Натанъ Мудрый» былъ поставленъ у насъ теперь въ день столѣтія перваго представленія этой безсмертной «драматической поэмы» въ берлинскомъ театрѣ, 2 апрѣля 1783 года. Общее исполненіе этой трудной пьесы было удовлетворительно, особенно въ мужскихъ роляхъ, между которыми наиболѣе выдавалась роль «служки» (Klosterbruder), отлично прочитанная г. Вернеромъ, — въ отношеніи же сценической постановки нельзя было и желать, на этотъ разъ, ничего лучшаго, такъ какъ пьеса ставилась подъ наблюденіемъ самого г. Поссарта, великаго знатока по режиссерской части.